

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 1 2025]

За нашу Победу!

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Март 2025 г.]

За
нашу
Победу!

{ Март 2025 г. }

Цетради

по консерватизму

[№ 1 2025 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2025

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
5.5 – Политические науки, 5.6 – Исторические науки,
5.7 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, М.М. Шевченко, А.А. Ширинянц, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – №1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025. – 182 с.

Очередной выпуск альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен 80-летию юбилею Победы нашей страны в Великой Отечественной войне. Акцент ставится на проблематике защиты исторической правды о Войне, ее зачинателях и победителях, роли СССР в разгроме нацизма. Все эти темы находятся на острие информационной войны Запада против России. День Победы стал сакральным днем в нашей стране, одним из базовых фундаментов единства нашего общества. Когнитивные войны, которые ведет Запад против нашей страны, направлены на разрушение данного единства. Опасность этих войн не до конца понимается в нашем научном сообществе, политической элите, социуме в целом. Данный выпуск акцентирует внимание на этих проблемах.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2025
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025

Р.В. Михайлов

От редакции

7

Л.В. Поляков

Слово к читателю

9

Раздел первый

Великая Победа – подвиг народа

А.В. Щипков

Победа в парадигме русской сакральности

13

С.Ф. Черняховский

Великая война и гражданская религия России.

Битва мировых проектов

20

Д.О. Тимиряев

Курская битва: историческая правда через призму документального наследия

34

А.К. Беспалов

Феномен самопожертвования советских и японских летчиков

в годы Второй мировой войны: сравнительный анализ

45

Раздел второй

Наша Победа и ее фальсификаторы

А.К. Камкин

Европейская политика деформации исторической памяти как путь к реваншизму и социально-политическому регрессу

55

Н.П. Таньшина

Трансформация памяти о роли СССР во Второй мировой войне в современной Франции

67

А.А. Киселев

Память и нарративы о Второй мировой войне в польском общественном мнении (2000–2020)

79

А.Д. Гронский
Борьба с памятью о Великой Отечественной войне
в Прибалтике и Молдавии
89

И.Н. Шумейко
История войны – война историй
100

Раздел третий

Не забыть и не простить

К.В. Шевченко
Чехи на службе Третьего рейха: зигзаги исторической политики
во Второй Чехо-Словацкой республике и в Протекторате Богемия
и Моравия в 1938–1945 годах
117

Н.В. Селюкина
Проблема наказания нацистских преступников и их пособников в контексте
сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.
Подходы, примеры, перспективы
126

О.Г. Казак
Коммеморация бойцов Армии Крайовой в Беларуси в 1990-х годах:
акторы, инструменты, результаты
140

Н.В. Селюкина
Исторический анализ судебного преследования нацистских пособников
из литовских полицейских батальонов: на примере Антанаса Гецевичюса
151

Раздел четвертый

А если подумать?

Ю.С. Павловец
«Пакт Молотова – Риббентропа» и его историческая значимость
для Белоруссии
163

Н.С. Ищенко
Тарас Шевченко в Луганске: места памяти и традиции интерпретации
171

Тарас Шевченко в Луганске: места памяти и традиции интерпретации

В Луганске, столице ЛНР, на главной площади стоит памятник Тарасу Шевченко. Именем Шевченко названа улица и до недавнего времени назывался университет. Хотя Луганск с 2014 года подвергается ударам украинской армии, символ украинской государственности украшает главную площадь города. Цель исследования – показать, как Шевченко занял такое место в культурной памяти города и как сложились практики его коммеморации в Луганске. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Луганск – не единственный российский город, в котором сохраняют память о Тарасе Шевченко. В период конфликта с Украиной, для которой Шевченко является национальным героем, такая ситуация дезориентирует граждан, поскольку решаются задачи СВО по денацификации и демилитаризации украинского государства и одновременно прославляется национальный украинский герой. Проанализируем места памяти Тараса Шевченко в Луганске в контексте символической политики. Покажем место Шевченко в культурной памяти независимой Украины и в российской (имперской и советской) культурной памяти, а также рассмотрим, как представлен Шевченко в Луганске, затем уточним место Шевченко в современной российской символической политике.

Символическую политику О.Ю. Малинова предлагает понимать как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [19, с. 31]. Разные способы интерпретации реальности могут сложиться в миф, символически разъясняющий членам сообщества их прошлое и будущее, то есть дающий в образах ответ на вопросы, почему общество стало таким, каково оно сейчас и к какому будущему оно стремится. Миф социально сконструирован для объяснения реальности, поэтому неважно, каковы его эмпирические основания, важно то, что общество в него верит [19, с. 38]. Создание и сохранение сообщества, разделяющего один и тот же обосновывающий миф, является задачей политики памяти. Для формирования нации современного государства используется национальная мифология.

С.В. Шиндель показывает, что национальная мифология формируется путем селекции исторических фактов и их реинтерпретации, отражающей представление сообщества о своей идентичности, самосознании, национальном характере, историческом предназначении. Эти понятия не поддаются научной проверке, но позволяют обосновать превосходство одной нации над другой, если являются убедительными для членов сообщества [29]. Как показывает А.В. Ставицкий, современные украинские историки видят свою задачу в трансляции национального украинского мифа, что создает ситуацию

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Луганского государственного аграрного университета имени К.Е. Ворошилова. E-mail: niofterna@gmail.com

использования проверенных исторических фактов для укрепления обосновывающего мифа украинской нации [25].

Основные тезисы украинской национальной мифологии сформулировали луганские авторы А.И. Левченко, В.А. Глазков, О.И. Помников. Украинская мифология включает следующие элементы: Украина – не Россия; это настоящая Русь, современные русские – самозванцы; украинцы – более культурный и цивилизованный народ, чем русские; украинская история – перманентная борьба за многовековую украинскую государственность против разных империй, первое место среди которых занимает Россия. Видное место в пантеоне борцов занимают И. Мазепа, Т. Шевченко, Л. Украинка, с. Петлюра, с. Бандера, Р. Шухевич и другие. Современные бойцы ВСУ делают то же дело и являются наследниками древней украинской воинской славы и военных подвигов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), сражавшихся против СССР в 1941–1951 годах [16, с. 388–389]. Как видим, в украинской национальной мифологии Тарас Шевченко является не изолированным символом, а частью общей картины. Его биография вписывается в интерпретацию украинской истории, обосновывающую нынешнее состояние украинской нации и ее войну против России. Для носителей украинской идентичности в биографии Шевченко важнейшим элементом является его антирусская позиция и борьба за независимую Украину, что и сделало Шевченко символом украинской государственности.

При жизни Шевченко был членом Кирилло-Мефодиевского братства. Историю братства и его роль в формировании как украинского, так и русского национализма анализирует А.И. Миллер в монографии «Украинский вопрос в Российской империи». Братство существовало в Киеве в 1845–1846 годах, выражало националистические идеи и требовало не только обеспечения культурной самобытности украинцев, но и политической независимости от империи. Цели братства в перспективе являлись сепаратистскими. Как показывает А.И. Миллер, «члены общества – Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и Н.М. Белозерский – стали, наряду с Т.Г. Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию» [20, с. 66].

Понимая политическую опасность братства, российские власти не понимали, как с ней бороться, поскольку мыслить в национальных категориях российское общество не умело. Украинский национализм стал ответом на национализм польский, с которым жители южнорусских территорий столкнулись еще в XVIII веке. Польский национализм – один из самых старых в Европе, он формировался даже раньше французского. Его апологетически описал основатель национализма Жан-Жак Руссо [9, с. 351 и сл.]. В XIX веке стратегии польской элиты в составе Российской империи тоже были националистическими. Как показывает О.А. Остапчук, присоединенные к Российской империи после разделов Польши территории подвергались не русификации, а полонизации всю первую половину XIX века вплоть до польского восстания 1863 года [22, с. 190 и сл.]. Украинский национализм, формировавшийся в это же время, был направлен и против польской культуры, и против российского государства.

К таким вызовам элиты Российской империи не были готовы. Деятельность Кирилло-Мефодиевского братства, его цели и методы правительством не афишировались, в обществе не обсуждались и были практически неизвестны российской просвещенной публике, интересовавшейся такими вопросами. Император Николай Первый просто запретил об этом писать [20, с. 68]. В результате возникла возможность альтернативных интерпретаций. Деятели российской культуры, являющиеся лидерами общественного мнения того времени, не будучи осведомлены о подлинных целях Кирилло-Мефодиевского братства, транслировали миф о том, что Шевченко и других деятелей брат-

ства преследовали за желание развивать культурную самобытность региона. Политический сепаратизм для столичных российских писателей и мыслителей был неприемлем и немислим, но поскольку информации в открытом доступе не было, они поддержали Шевченко как пострадавшего радетеля за народ и народную культуру, просветителя и поэта, выступившего против притеснений имперской власти. Эта трактовка была подхвачена и усилена в советский период и живет до сих пор. В тот же период в украинских националистических кругах формируется образ Шевченко как борца именно за политическую независимость и создание национального государства украинцев.

После падения империи, в 1917–1920 годах, на территории современной Центральной Украины сменилось несколько форм государственности. И во всех случаях Тарас Шевченко оставался символом национального украинского государства. По итогам Гражданской войны на некоторой части современной Украины утвердилась советская государственность. В советский период были предприняты беспрецедентные усилия для институционализации украинской нации и создания украинского национального государства. Как показал Роджерс Брубейкер, хотя советская власть была антинационалистической, она не была антинациональной. В СССР были созданы несколько десятков территориальных образований по этническому принципу, в каждом из которых существовала своя титульная нация. Самым ярким примером такой политики является УССР. Институты государства модерна, такие как школа, армия, экономика, политика, в СССР использовались для формирования украинской нации и создания украинской государственности [3, с. 109–110].

Южнорусские территории современного государства Украина в XX веке пережили три волны украинизации, проанализированные А.С. Ципко: в 1917–1919, 1920–1930-х, 2014–2019 годах. Автор приходит к выводу, что «такова уж природа украинскости, что ее идентичность связана с этничностью» [28, с. 439]. Украинский национализм – органический и исключаящий, а не гражданский, титульная нация строит свое государство, исключая все другие этносы или ассимилируя их, навязывая украинский язык и культуру. Насильственное навязывание украинского языка происходило в XX веке не только на территории современного государства Украина. Такая же политика украинизации проводилась советской властью в южнорусских регионах РСФСР – Ставрополье, Поволжье, Центральном Черноземье, – где компактно проживали носители южнорусских диалектов, опознанных тогдашней властью как украинский язык. Введение украинского языка как обязательного в тех районах, где разговорная речь была ближе к литературному русскому, чем к литературному украинскому, сформированному гораздо западнее, привела к требованиям использовать не литературный украинский, который население не понимало, а особый кубанский язык, который равно отличается от русского и украинского [11, с. 428–433]. Отличия же от украинской литературной нормы на территориях УССР не воспринимались как требующие учета и институционализации.

Хотя после активного этапа в 1920–1930-х годах коренизация была свернута и русский язык фактически стал развиваться как язык межнационального общения, гарантирующий существование единого культурного пространства СССР, национальные преференции в СССР не отменялись до его разрушения. В УССР, сформированной как этнонациональное квазигосударственное образование в рамках Советского Союза, этническая принадлежность к украинцам гарантировала карьерный рост в трех важных сферах: политике, культуре и гуманитарных науках. Ведущую роль украинцев советского времени в производстве знания об Украине на всесоюзном уровне отмечает А.И. Миллер [12].

В советский период существовало две интерпретации места Шевченко в культурной памяти – как революционера, боровшегося с царизмом, и как отца

нации, важной фигуры украинского национального пантеона, каковой мобилизационный потенциал советская власть использовала во время войны против гитлеровской Германии [5, с. 185]. В послевоенный период Шевченко продолжал оставаться символом отдельной украинской нации. Риторика о братских народах, русском и украинском, обеспечивала единство при условии фактического разделения. Таким образом, интернационализм и дружба народов оказываются возможны, только если разные народы существуют. Для сохранения интернационализма нужно сохранение разных наций. Нации в СССР формировались с помощью институтов государства модерна, а их дружба обеспечивалась коммунистической идеологией, снимавшей национальную борьбу в ходе борьбы классов. Выхолащивание этой идеологии в послевоенный период приводило к росту национального самосознания и национализмов в СССР. Украинский национализм был в этом отношении показательным: националистические настроения стали проблемой уже в 1960-х годах. Так, Союз писателей Украины стал точкой роста украинского национального самосознания. Член редколлегии комсомольского литературного журнала «Дніпро» Лина Костенко «открыто кричала с трибуны: «Я была и буду националисткой!»» под аплодисменты молодежи [2, с. 453]. Поэзия снова, как во времена Шевченко, становится выразителем и носителем украинского национального самосознания.

В постсоветский период Шевченко становится самым значимым символом независимой Украины. Так, в 1996 году вводится постоянная валюта, само название которой, «гривна», указывало на давность украинской государственной традиции, связь с домосковской Русью и украинской государственностью 1918–1920 годов. Тарас Шевченко украшает купюру достоинством 100 гривен [14, с. 153].

Преподавание истории в средней и высшей школе в этот период полностью определяется схемами историографии XIX века, исходящей из концепции органической нации. Переиздаются своды украинской истории дореволюционной и эмигрантской/диаспоральной историографии (М. Грушевского, Н. Полонской-Василенко, А. Ефименко, Д. Дорошенко и других), оказавшие решающее влияние на авторов учебных программ и составителей учебников, воспроизводивших этнонациональный нарратив конца XIX века как «историческую правду» [14, с. 154–155]. Шевченко занимает центральное место в пантеоне национальных героев новой национальной истории, как это было и в XIX веке.

В это время советские значимые фигуры частично включаются в украинский национальный пантеон, но со сменой акцентов: революционная их деятельность отходит на второй план при всемерном подчеркивании их этнонациональной принадлежности и борьбы за независимость. В случае Тараса Шевченко борьба с русским царизмом подается теперь не столько как борьба с царизмом, сколько как борьба с русскими, Россией и русской культурой [14, с. 174]. Тем не менее присутствие Шевченко и в советской традиции позволяет в той или иной степени сохранить общую культурную память Украины, что дает исследователям основание называть Шевченко в этот период местом согласия – символом, признаваемым двумя традициями, и советской, и украинской национальной [14, с. 175].

Попытки русских Украины проводить свою историческую политику провалились. Президент Виктор Янукович, получивший голоса русскоязычных регионов благодаря обещаниям сделать русский язык вторым государственным и наладить связи с Россией, после инаугурации в 2010 году объявил, что единственным государственным языком на Украине может быть только украинский. Это было сказано во время традиционных памятных ритуалов в Каневе на могиле Тараса Шевченко 9 марта 2010 года [13, с. 237]. Таким образом,

Шевченко однозначно выступает как герой украинского национального пантеона и символический гарант антирусского курса правительства.

На Украине в период независимости активно используют советские памятники Тарасу Шевченко. Их количество уже в УССР было на втором месте после памятников Ленину [14, с. 177]. В то же время переосмысление роли Шевченко в идентичности жителей государства Украина не прекращается. Г. Касьянов говорит о ренационализации советских пространств памяти, включающих Шевченко [14, с. 180]. После государственного переворота на Украине в 2014 году и принятия законов о декоммунизации памятники Ленину массово уничтожались и очень часто заменялись на памятники Шевченко [14, с. 176–177]. В настоящее время на Украине нет ни одного памятника Ленину. Символизм этих перемен носит явный антирусский характер.

Итак, можно сказать, что Шевченко на Украине в течение более ста лет почитается как национальный герой и символ независимой Украины. Советская версия Кобзаря как борца с царизмом и революционера в постсоветское время полностью уступила националистической трактовке. Ипостаси поэта и художника важны не сами по себе, а для подчеркивания национального величия героя и сакральности его борьбы за национальную независимость. В украинском национальном мифе революционная деятельность Шевченко, какова бы она ни была эмпирически, полностью вписывается в историю национальной борьбы с Россией. Таким образом, Шевченко символизирует современную украинскую идентичность, неразрывно связанную с современным украинским государством.

Какова эта идентичность в украинской диаспоре, еще до госпереворота на Украине в 2014 году описал Джон-Пол Химка, канадский историк, этнический украинец, подвергающийся цензуре и гонениям за свою позицию по ряду вопросов украинской национальной памяти, таких как участие УПА в уничтожении евреев, причины голода на Украине в 1932–1933 годах и других. Позволим себе значимую цитату: «29 апреля 2010 года я писал своему близкому другу Алану Рутковскому: “Я полагаю, мне пора прекратить свой крестовый поход. Но он ведь был не против ОУН-УПА как таковой, а против того, чтобы ОУН-УПА становилась главным пунктом идентификации украинцев. Я думаю, что проиграл эту битву. Сегодня быть «украинцем» означает принять их наследие”» [27, с. 437].

Именно этот вариант поддержан в украинском государстве. После начала СВО рассмотренная версия национальной памяти стала на Украине безальтернативной. После 2014 года украинская политика памяти направлена на маргинализацию научных исторических концепций и версий истории, противоречащих официальной националистической [8]. С 2022 года в стране запрещены и преследуются по закону политические партии, выражающие интересы других групп украинского общества помимо украинской политической нации [6]. Таким образом, после начала СВО на Украине Тарас Шевченко стал однозначным символом украинской идентичности, включающей Голодомор как геноцид, героизацию УПА и Бандеры и современную украинскую государственность с ее антирусской политикой.

Советская интерпретация биографии Шевченко строится на героизации борьбы угнетенных классов Российской империи с русским царизмом. Двойственность, заложенная в самом предмете, позволяет давать националистическую трактовку этому символу, что и произошло на Украине. В Российской Федерации сосуществуют две интерпретации – проукраинская националистическая и интернационалистская советская. Рассмотрим, какая из них формирует практики коммеморации Шевченко в Луганске.

Тарас Шевченко при жизни никогда в Луганске не бывал и не упоминал Луганск в своих произведениях. Таким образом, память о Шевченко не име-

ет регионального компонента и не относится к локальной культурной памяти. В период существования украинской государственности на Луганщине памятные мероприятия, посвященные Тарасу Шевченко, проводились в Луганске с целью вписать регион в более широкое культурное пространство – Украину, а у его жителей сформировать украинскую национальную идентичность.

Для наших целей ограничимся исследованием Луганска и важнейших топов в городе, связанных с Шевченко. В настоящее время (2025) самым заметным местом памяти Тараса Шевченко в Луганске является памятник на главной площади города, в парке Героев Великой Отечественной войны. Один из старейших университетов Луганска, педагогический, до 2020 года носил имя Шевченко. Именем Тараса Шевченко названа одна из центральных улиц города.

Памятник Шевченко в Луганске появился в независимой Украине в период роста национального самосознания и постсоветской украинизации. Как сообщает луганское краеведческое издание, «ведущую роль в истории возведения монумента Кобзарю в Луганске сыграло созданное здесь в 1995 году Луганское областное Братство почитателей творчества Тараса Шевченко. Памятник установлен в парке Героев Великой Отечественной войны 22 мая 1998 года в рамках Международного литературно-художественного праздника им. Т.Г. Шевченко “В сім’ї вольній, новій...”. Личность Кобзаря стала символом величия духа, глубочайшей мудрости, нескгибаемой воли. Скульптурное изваяние Кобзаря называют народным, ведь средства на его создание собирала вся страна, Всемирный фонд Т.Г. Шевченко, Всемирный конгресс украинцев» [10, с. 100].

В 2001 году вышла книга Луганского областного Братства почитателей творчества Тараса Шевченко под названием «Утверждение украинской правды». Аннотацию этого издания приведем полностью, перевод на русский наш: «Появление этой книги обусловлено необходимостью опровергнуть умышленные фальсификации, бытующие еще и сегодня, о том, что памятник украинскому Пророку Тарасу Шевченко в городе Луганск установлен якобы на средства пенсионеров.

На самом же деле, как убедится читатель, луганчане должны благодарить за этот чудесный монумент-подарок не только сознательное украинство города, области, Украины, а в первую очередь украинство мира.

И это убедительно подтверждается документами, лежащими в основе этой документально-публицистической работы» [26, с. 2].

В книге действительно приводится история сбора денег на памятник. На нескольких страницах публикуются списки сознательных украинцев Канады и США, внесших свой вклад [26, с. 58–71, 72–77]. Далее приводятся списки организаций, принявших участие в сборе денег. Среди них Братство бывших воинов 1-й УД УНА, Украинское стрелечье сообщество, Украинский кредитный союз, Royal Canadian Legion, украинское отделение № 360 [26, с. 72]. Тут же дается анализ жертвователей: 2 почетных основателя (размер пожертвований более 1000\$), 3 мецената (1000\$), 12 основателей (500\$), 27 благодетелей (250\$), 129 сторонников (100\$) [26, с. 72].

Итак, памятник Шевченко ставится в Луганске транснациональными организациями украинцев как символ украинской нации и украинской государственности. Шевченко выступает как носитель украинской национальной идеи, и ни в каком другом качестве он не интересен. Военные организации Канады и США, состоящие из бывших украинских военных, сражавшихся с русскими во Второй мировой войне, собирают деньги на памятник не просто поэту и художнику, а идейному вдохновителю их собственной борьбы.

В книге также приводятся статьи из луганских газет того времени, отражающие реакцию общественности на сбор денег, проект установки памят-

ника Шевченко и переименования площади Героев Великой Отечественной войны в площадь Шевченко. Характерным является опубликованное в «Луганской правде» 12 июня 1997 года письмо Луганского областного совета ветеранов, Луганской областной редколлегии Книги памяти Украины, Луганской областной и городской организации Украинского общества охраны памятников [26, с. 44–45]. Внятных аргументов против установки памятника у этих организаций нет. Протест их вызывает проект переименования площади в площадь Шевченко. Здесь намечен конфликт советской коллективной памяти и украинской национальной. Завершился он частичной победой советской интерпретации – площадь не поменяла своего названия, но ее композиционным центром стал памятник Шевченко, транслирующий украинскую национальную идентичность и символизирующий украинскую национальную государственность.

Эта ситуация сохраняется до наших дней. Инициативы городских властей перенести памятник в другое место ни к чему не привели. Одними из первых проблему несоответствия памятника общей концепции сквера и тематике проводимых мероприятий ветеранские организации Луганска поднимали еще в 2015 году [21]. Луганский писатель Глеб Бобров в 2024 году писал о том, что памятник Шевченко в центре города – символ украинской оккупации [17]. Администрация Луганска несколько раз проводила опросы о том, нужно ли оставлять памятник в центре города, однако побеждает мнение, что не нужно уподобляться Украине и сносить памятник поэту [21].

Обратимся к еще одному месту памяти Шевченко – Луганскому педагогическому университету. Учебное заведение, готовящее педагогов, существует уже более ста лет. В 1921 году «в селе Мало-Николаевка Луганского округа были организованы педагогические курсы. Первоначально учебное заведение называлось Донецким институтом народного образования, но в 1934 году его преобразовали в Луганский государственный педагогический институт Народного комиссариата просвещения Украинской Советской Социалистической Республики (УССР). В 1939 году президиум Верховного совета УССР присвоил педагогическому институту имя украинского поэта, художника Тараса Григорьевича Шевченко» [18]. Заметим советскую трактовку фигуры Шевченко – он подается как украинский поэт и художник, однако его национальная идентичность стоит на первом месте даже в антинационалистической идеологии советского периода.

Правительство ЛНР своим распоряжением переименовало университет и лишило его имени Шевченко 17 июля 2020 года, через шесть лет после нападения Украины на Донбасс [23]. Идея дать университету имя основательницы города Екатерины Великой не была реализована, хотя и высказывалась в Луганске общественными деятелями, писателями и философами, включая Виталия Даренского, Константина Деревянко и других [4].

Улица Шевченко – одна из центральных в городе – до 1921 года называлась Демократической. На ней был расположен первый многоэтажный дом в Луганске. Улицы Шевченко есть также в луганских пригородах – Александровске и Счастье. А в самом городе есть еще и квартал Шевченко [15, с. 103].

Итак, в Луганске существует несколько мест памяти, связанных с Тарасом Шевченко. Они созданы в советский период и во время независимой Украины. Для многих россиян, включая жителей Луганска, традиция делает эту символику приемлемой. Кроме того, важную роль играет репутация Шевченко как гениального поэта и художника из народа, страдавшего за простых людей. Для русской аудитории подчеркивается художественная ценность творчества Шевченко.

Какую же идентичность символизирует Шевченко в центре Луганска? Республики Донбасса создавались как противовес украинской этнократии,

победившей в Киеве в 2014 году. Интернационализм республик активно подчеркивается в риторике донбасских политиков с 2014 года, как показал А.А. Воронович [8]. Интернационализм опирается на советское наследие и берет за образец антинационалистическую политику СССР, которую пытается повторить. Так, в 2016 году, на второй год войны Украины против Донбасса, руководители ЛНР возлагали цветы к памятнику Шевченко в день его рождения [24]. Таким образом, в ЛНР сохранилось пространство советской памяти, еще не национализированное Украиной. Прямо сейчас в Луганске происходит борьба символов и конфликт интерпретаций. Может ли Российская Федерация сделать Шевченко символом чего-то еще, кроме украинской национальной государственности?

Если опираться на советское наследие, Шевченко можно представить как революционера, работавшего против государственной власти ради коммунистического интернационала. В условиях военного конфликта, восемь лет происходившего на территории Республики, а также СВО, идущей четвертый год, ставить памятник с таким символическим смыслом представляется не лучшим решением. То же самое касается и других регионов России, но поскольку Шевченко интегрирован в коммунистическую традицию, а коммунизм является довольно популярной идеологией, Шевченко может выступать и как символ советского прошлого, когда коммунистическая идеология была господствующей в стране. Достаточно ли этого, чтобы уничтожить символический потенциал Шевченко как отца украинской нации?

Нам представляется, что этого недостаточно из-за внутренней противоречивости самой советской интерпретации истории. Будучи господствующей в определенный период истории России, эта интерпретация на теоретическом и идеологическом уровне является антирусской и антихристианской. Использовать ее для укрепления российской государственности можно только в условиях жесткого идеологического контроля, который сейчас у государства отсутствует. Информация о деятельности Шевченко, его взглядах и идеях, легко доступна. Националистическая идеология, создателем и носителем которой он был, противоречит государственным интересам современной России. Украинская националистическая интерпретация Шевченко транслируется не только государством Украина, но и мировым украинством, если воспользоваться самопрезентацией этого сообщества. Для реинтерпретации Шевченко как символа пророссийской, а тем более региональной российской идентичности требуется контроль над этими центрами силы в символической политике, которого Россия не может добиться даже путем СВО.

Именно в Луганске, русском регионе, столкнувшемся в XX веке с украинизацией, были осознаны эти вызовы. Еще в 2005 году, до Евромайдана 2013–2014 годов в Луганске опубликована книга «Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма» местных авторов Г.Л. Боброва, Н.А. Грекова, К.В. Деревянко [1]. В этой книге исследуются мировоззрение Шевченко, взаимоотношения с видными деятелями культуры его времени, включенными позднее в пантеон национальной украинской литературы, Е. Гребинкой, Г. Квиткой-Основьяненко, И. Котляревским, Г. Сковородой, Н. Гоголем и другими. Большое внимание уделяется критике мировоззрения Шевченко с христианских позиций. В заключительной главе анализируется его роль в актуальной украинской культурной и политической повестке 1990–2000-х годов. Выводы авторов однозначны: мировоззрение Шевченко – националистическое, с христианством оно не совмещается ни имплицитно, ни явно, поскольку автор не раз позволяет себе антихристианские заявления и нацию ставит выше Бога. Национализм Шевченко направлен против русских, и именно этот аспект востребован в современной украинской культуре.

Подведем итоги. В Луганске Тарас Шевченко занимает важное место в символическом пространстве. Такие места памяти, как улица, городской квартал, университет созданы в советский период, а самое яркое из них, памятник Шевченко, – в период независимой Украины. Символическая политика памяти включает конфликт трех интерпретаций Шевченко: украинской национальной, советской и пророссийской христианской. Последняя интерпретация наиболее соответствует интересам российской государственности, но наиболее слабо представлена в городе, это хотя и концептуально важная, но всего лишь одна книга. Ей противостоят советская и украинская национальная интерпретации Шевченко, которые на данный момент побеждают. В республиках после десяти лет войны с Украиной превалирует не украинская национальная, а советская традиция, которая под лозунгом интернационализма включила две насильственные украинизации в течение XX века, что и приносит результаты: Шевченко воспринимается как часть традиционного наследия города, а его националистический символизм мало кем осознается не только в Луганске, но и в других городах России.

В постсоветский период, когда образовалось суверенное государство Украина, в России можно было думать, что проблема украинского национализма вынесена за государственную границу и будет решаться без нас. Опыт показал, что это не так. Украинский национализм является не врожденным, а культурно сконструированным с помощью символической политики, включающей места памяти и их интерпретации. После трех лет СВО все больше людей в России вовлекаются в новейшую украинскую историю, знакомятся с украинской национальной идеологией и осознают, что Тарас Шевченко – это не просто поэт, художник и борец за угнетенные классы, но в первую очередь создатель украинской националистической идеологии, отец украинской нации и человек с антирусским и антихристианским мировоззрением. Реинтерпретация мест его памяти внутри российских границ становится насущной проблемой российской символической политики, и для решения этой проблемы может быть использован луганский опыт.

Литература

1. *Бобров Г.Л., Греков Н.А., Дерезянко К.В.* Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма. Луганск: Виртуальная реальность, 2005. 268 с.
2. *Борисенок Е.Ю.* Проблемы взаимоотношений между УССР и союзным центром: от Н.С. Хрущева к Л.И. Брежневу (1953–1972 гг.) // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки: Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 437–480.
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
4. В Луганске отказываются от Шевченко и хотят Екатерину Великую [Электронный ресурс] // EurAsiaDaily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2020/07/09/v-luganske-otkazyvayutsya-ot-shevchenko-i-hotyat-ekaterinu-velikuyu> (дата обращения: 15.02.2025).
5. *Веденеев Д.В.* Патриотический поворот в годы Великой Отечественной войны и образ Тараса Шевченко / Д.В. Веденеев, Д.В. Будков // Stephanos. 2015. № 2 (10). С. 181–189.
6. Верховная рада приняла законопроект о запрете «пророссийских» партий [Электронный ресурс] // RBC.ru. Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/03/05/2022/62712f189a7947b9948df4a9> (дата обращения: 25.02.2025).
7. *Воронович А.А.* Историческая политика в непризнанных республиках Приднестровья и Донбасса в постсоветском контексте // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы: Колл. монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 610–627.
8. *Воронович А.* Политика памяти по-киевски / А. Воронович, Д.В. Ефременко // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 5. С. 209–223.
9. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. сангл. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с., ил.

10. Выдающиеся люди и памятные места Луганщины: Аннотированный рекомендательный список литературы / сост. Н.А. Риблова, А.И. Коваленко, С.П. Крыця. Луганск, 2018. 105 с.
11. Дроздов К.С. Украинское население на территории России / РСФСР в 1917–1933 гг.: политика украинизации, родной язык, национальная идентичность // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки. Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 389–434.
12. Историческая политика в контексте современного конфликта вокруг Украины [аудио] // ИНИОН РАН. Rutube. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/c2f65ac49d01f4750c707e1f070bac3a/> (дата обращения: 15.02.2025).
13. Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 217–255.
14. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 282 с.
15. Костин В.И. Ворошиловград: Архитектурно-исторический очерк. Киев: Будівельник, 1987. 223 с.
16. Левченко А.И., Глазков В.А., Помников О.И. Украина и ее мифы // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР): Материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск, 20–22 октября 2022 года. Омск: Омский гос. ун-т имени Ф.М. Достоевского, 2022. С. 387–395.
17. Луганск: Шевченко остается [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2024/03/10/lugansk_shevchenko_ostaetsya (дата обращения: 15.02.2025).
18. Луганский университет им. Шевченко решили переименовать [Электронный ресурс] // EurAsia.Daily. Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/1032013/2020-07-06/luganskii-universitet-im-shevchenko-reshili-pereimenovat> (дата обращения: 25.02.2025).
19. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.
20. Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев: Laurus, 2013. 416 с.
21. Мнение луганчан будет учтено при определении места расположения памятника Т.Г. Шевченко [Электронный ресурс] // Официальный сайт Муниципального образования городской округ город Луганск Луганской Народной Республики. Режим доступа: <https://gorod-lugansk.com/2025/01/15/mnenie-luganchan-budet-uchteno-pri-opredelenii-mesta-raspolozhenija-pamjatnika-tgshvchenko.html> (дата обращения: 25.02.2025).
22. Остапчук О.А. «Земля, текущая медом и молоком»: украинские земли Правобережья в представлениях региональных элит и в политике имперских властей в первой половине XIX в. // Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: Очерки. Колл. монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 157–202.
23. Правительство ЛНР переименовало два вуза Республики [Электронный ресурс] // ЛуганскИнформЦентр. Режим доступа: <https://lug-info.ru/news/pravitelstvo-lnr-pereimenovalo-dva-vuza-respubliki-58162/> (дата обращения: 25.02.2025).
24. Руководители ЛНР почтили память украинского поэта Тараса Шевченко [Электронный ресурс] // ЛуганскИнформЦентр. Режим доступа: <https://lug-info.ru/news/rukovoditeli-lnr-pochtili-pamyat-ukrainskogo-poeta-tarasa-shevchenko-foto-11402/> (дата обращения: 15.02.2025).
25. Ставицкий А.В. «Историческая политика» на Украине: мифологический аспект // Миф в истории, политике, культуре: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 22–25 июня 2021 года / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал Мос. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 352–358. DOI 10.35103/SMSU.2021.11.31.050.
26. Утвердження української правди. Луганськ: Знання, 2001. 116 с.
27. Химка Дж.-П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в 21 веке. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 421–454.
28. Ципко А.С. Драма украинской идеи: Уроки трех насильственных украинизаций Малороссии (1917–1919, 1920-е – начало 1930-х, 2014–2019) // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 400–448. DOI 10.24030/24092517-2020-0-2-400-448.
29. Шиндель С.В. Основы формирования национальной идентичности в XXI веке: история или мифология? // Миссия конфессий. 2023. Т. 12, № 1 (66). С. 41–49.

Аннотация. В статье анализируются украинская национальная, российская имперская и советская интернациональная традиции интерпретации места Тараса Шевченко в современной российской культуре в парадигме символической политики. Шевченко как топос присутствует во всех трех традициях, придающих разное значение его личности: в украинской национальной традиции это Пророк и отец нации, вдохновляющий на вооруженную борьбу за украинскую государственность, в российской имперской – носитель региональной российской идентичности и культурной самобытности региона, в советской интернационалистической – революционер, противник русского царизма. В независимой Украине интерпретация Шевченко как героя национального пантеона стала безальтернативной основой государственной политики страны. Но в силу советской традиции места его памяти воспринимаются жителями Луганска и России в целом как места согласия, а националистическая реинтерпретация фигуры Кобзаря полностью игнорируется. Непоследовательная символическая политика по отношению к символам украинской государственности опасна, особенно в период СВО. Помещение Шевченко в контекст христианской традиции как антихристианского борца за украинский национализм может быть одним из вариантов решения этой проблемы.

Ключевые слова: культурная память, места памяти, украинская государственная политика, украинский национальный миф, украинский национализм, советская традиция, Тарас Шевченко, Луганск.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов

Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy; Assistant Professor, Philosophy, History and Pedagogics Department, Lugansk Voroshilov State Agrarian University. E-mail: ninaofter@yandex.ru

Taras Shevchenko in Lugansk: Places of Memory and Traditions of Interpretation

Abstract. The paper analyzes the traditions of interpreting Taras Shevchenko's place in modern Russian culture in the paradigm of symbolic politics. The article examines the Ukrainian national tradition and Russian imperial and Soviet international traditions. The author shows that Shevchenko as topos is present in all three traditions that give different meanings to his personality: in the Ukrainian national tradition he is a Prophet and father of the nation, inspiring the armed struggle for Ukrainian statehood; in the Russian imperial tradition he is the bearer of regional Russian identity and cultural identity of the region; in the Soviet internationalist tradition he is a revolutionary, an opponent of Russian tsarism. In the independent Ukraine the interpretation of Shevchenko as a hero of the national pantheon has become the uncontested basis of the country's state policy. Since Shevchenko is also present in the Soviet tradition, the places of his memory are perceived by the residents of Lugansk and Russia as places of harmony, and the nationalist reinterpretation of his figure is completely ignored. Inconsistent symbolic policy towards the symbols of Ukrainian statehood is especially dangerous during the war with the nation-state of Ukraine. The experience of Luhansk can be used to solve this problem, including placing Shevchenko in the context of the Christian tradition as an anti-Christian fighter for Ukrainian nationalism.

Keywords: Cultural Memory, Places of Memory, Ukrainian State Policy, Ukrainian National Myth, Ukrainian Nationalism, Soviet Tradition, Tara Shevchenko, Lugansk.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.